

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫБОР РОССИИ НА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ 1812 ГОДА

Ход мировой истории в начале XIX в. во многом определяли события, происходившие на европейском континенте. Этот важный временной отрезок принято именовать по-разному: наполеоновская эпоха, эпоха коалиций, эпоха 1812 года, эпоха конгрессов. Без всякого сомнения, это был переломный момент в истории человечества, поскольку именно тогда определялась судьба будущего мироустройства. Она решалась как на полях сражений, так и в ходе закулисных дипломатических переговоров.

Необходимо определиться с терминологией, в первую очередь с определением «эпоха 1812 года». И. А. Шейн сделал анализ понятий, получивших широкое хождение в исторической литературе, в том числе и термина «эпоха 1812 года». Хронологию этого периода он поставил в рамки «от времени подготовки двух держав к войне (1810 г.) до ее завершения в декабре 1812 (январе 1813) г.»¹. Этому суждению несколько противоречит ранее высказанная точка зрения А. Г. Тартаковского, согласно которой в данное понятие входит «весь цикл явлений военно-политической и общественной жизни периода войн с Наполеоном – от 1812 до 1815 г. включительно, когда и было окончательно сокрушено могущество созданной им империи», полагая, что «при всем несомненности в социально-политическом содержании кампаний 1812, 1813, 1814 и 1815 гг... в известном смысле они составляют единый исторический период»². В отечественной историографии термин «эпоха Отечественной войны» используется достаточно широко. Например, еще дореволюционный историограф С. Середонин также подразумевал под ним исторический отрезок времени с 1812 по 1815 г.³ Если суммировать эти суждения, то в результате получатся хронологические рамки 1810–1815 гг., а в центре событий окажется все тот же 1812 год как высшая точка в долговременном противостоянии России с наполеоновской Францией.

На мой взгляд, сужать рассматриваемое понятие рамками 1810–1815 гг. неверно, оно объемлет более значительный исторический период. Под «эпохой 1812 года» необходимо понимать все время участия России в наполеоновских войнах (1805–1815 гг.), а во многих случаях трактовать расширенно, как весь период царствования Александра I, включая выступление декабристов на Сенатской площади, историю военных поселений, внешнеполитические сюжеты, напрямую связанные с окончанием напо-

* Безотосный Виктор Михайлович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Государственного Исторического музея.

леоновских войн, и многие другие вопросы. В качестве примера можно привести семитомное издание 1911–1912 гг. «Отечественная война и русское общество». В этом коллективном труде, считающемся вершиной дореволюционной историографии, рассмотрены различные проблемы, хронологически даже выходящие за рамки царствования императора Александра I, но наиболее подробно освещающие аспекты событий 1805–1825 гг. Необходимо подчеркнуть, что понятие «эпоха 1812 года» применимо только в рамках отечественной историографии. Этот термин вряд ли будут употреблять иностранные ученые, поскольку он не несет для них эмоциональной нагрузки. Зарубежные историки события 1812 г. традиционно называют Русским походом Наполеона или кампанией 1812 г. в России, так же они будут и впредь использовать устоявшийся на Западе термин «наполеоновская эпоха».

Требуется некоторого пояснения и вошедший ныне в моду термин «геополитика». Эта специфическая область знания, использующая пространственный подход при анализе исторических процессов, а также понятие, реконструирующее взаимосвязь политики и географического положения страны, в начале XIX столетия серьезным государственным мужам были не известны. Наверное, полностью отказаться от употребления этого модного слова историкам уже невозможно, но чтобы не осовременивать происходившие тогда процессы, было бы предпочтительней и надежней пользоваться терминологией того времени. Да и объяснение событий только геополитическими факторами будет страдать неполнотой, а исследователь может впасть в ошибку, оказавшись в плену геополитических догм, которые и сегодня не содержат исчерпывающих ответов на современные вызовы времени.

В последнее время отечественная историография обогатилась рядом работ по различным проблемам истории внешней политики России, увидели свет обобщающие труды В.В. Дегова⁴ и О.Р. Айрапетова⁵. Это обстоятельство позволяет мне отказаться от подробного разбора внешнеполитического курса России в первой четверти XIX в., сославшись на фактический материал и выводы, сделанные коллегами. В то же время необходимо обозначить проблему, которая сегодня по-разному интерпретируется исследователями – выбор Россией внешнеполитических приоритетов в эпоху 1812 года.

Монография О.В. Соколова «Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа»⁶ заслуживает особого внимания не только из-за отсутствия до этого в отечественной историографии отдельного труда по истории кампании 1805 г. (кроме книги А.И. Михайловского-Данилевского, написанной еще в 1844 г.)⁷, но и в силу ряда оригинальных подходов к теме, постановки важных вопросов и использования широкого круга источников. Подчеркну, что автор не считал нужным скрывать откровенные симпатии к наполеоновской Франции и к ее императору, его же противникам дал самые не лестные характеристики, особенно англичанам и российскому императору Александру I.

Не разбирая детально авторскую концепцию, попробую обозначить лишь вопросы интересные для рассматриваемой темы. В целом Соколов исходит из концептуального положения об общих геополитических интересах России и Франции. Александра I он считает одним из главных организаторов антифранцузской коалиции. Российский император, по мнению автора, «не был англофилом», но в основе его действий лежала «личная неприязнь к Наполеону Бонапарту». Другой причины для объяснения его поведения историк найти не смог («геополитические соображения или вопросы чести и престижа страны никак не могли диктовать Александру враждебность по отношению к Бонапарту и его державе»). Этот тезис на страницах монографии неоднократно и усиленно повторяется: «Этой личной ненависти будут подчинены все действия царя, ради этого, несмотря ни на какие геополитические интересы, несмотря ни на какую холодность и нежелание вступать в союз европейских монархов, несмотря на надменную, пренебрегающую всеми российскими интересами политику Англии, он будет упорно, буквально пинками, заталкивать всю Европу в коалицию против своего врага»; «Ничто не могло остановить поистине одержимую, не знающую никаких доводов разума жажду Александра воевать с Францией»; «Поэтому война 1805 г. была развязана исключительно по причине желания и комплексов, обуревавших одного человека – им-

ператора России Александра I»⁸. Вывод напрашивается сам собой: русский монарх не учитывал интересов своего государства и действовал в противовес им.

Исследователи царствования Александра I, даже признавая его чрезмерное честолюбие, вряд ли согласятся с таким объяснением причин антинаполеоновской позиции России. И не только потому, что образ российского монарха проштампован в негативных черных тонах, а цветовая гамма, как известно, всегда богаче. Просто политик такого масштаба, как Александр I, при принятии решений никогда не руководствовался лишь личными мотивами. «Неприязнь» императора как причина создания антинаполеоновской коалиции выглядит в данном случае очень неубедительно. Поскольку Соколов исходит из постулатов геополитики об общности интересов России и Франции, рассматривая их как потенциальных союзников (правда, не останавливаясь на этом положении подробно), попробую рассмотреть прежде всего расклад сил в Европе в начале XIX столетия. При этом ответу на вопрос, в чем состояли противоречия и насколько объективно совпадали или не совпадали интересы этих двух держав.

Большинство историков сегодня признают, что в тот период главными антагонистами на европейской арене выступали Франция и Англия. Соперничество и противоречия между ними диктовали и определяли основное содержание наполеоновских войн. В Европе можно было выделить еще три крупных государства, способных тогда влиять на расстановку сил: Россию, Австрию и Пруссию. Остальные, в силу своей периферийности или малых размеров, не являлись самостоятельными игроками и находились в орбите воздействия этих пяти мощных стран. Из трех последних выделенных государств Россия, обладавшая огромной территорией, значительными людскими и материальными ресурсами, стояла на особом месте, так как бесспорно являлась великой европейской державой. От ее позиции и поведения зависело тогда очень многое. Российская империя в тот период могла предпочесть три модели реагирования на происходившую в Европе борьбу: поддержать Францию, т.е. вступить с ней в союз против Англии; остаться нейтральной; в данном случае можно было выбрать разные способы поведения – от самоизоляции до политики «свободных рук»; выступить против Франции вместе с Англией в союзе с другими европейскими странами.

На мой взгляд, второй вариант существовал лишь теоретически, так как полностью исключался для такой державы как Россия. Она не могла, подобно Китаю, затвориться в скорлупу самоизоляции или позволить другим странам принимать вместо себя принципиальные решения. Результат такого поведения предсказать было нетрудно. Отказ от защиты своих интересов означал потерю влияния в Европе и статуса великой державы. Поскольку война превратилась во всеобщее явление, Россия не могла оставаться в стороне от бушевавшего пожара. Диапазон возможных приоритетов (с кем и против кого «дружить») был невелик. Оставался лишь выбор в пользу Франции или Англии.

В отечественной историографии доминирует мнение, что англо-русское сближение и совместная борьба с Францией были вполне естественной политикой, вытекавшей из угрозы завоевания европейского господства Наполеоном. Другая точка зрения – идея закономерной необходимости союза Франции и России из-за отсутствия между ними непримиримых противоречий – была обоснована во времена расцвета русско-французского союза конца XIX столетия историками А. Вандалем и А. Трачевским⁹. В советской историографии приверженцем этого взгляда выступил А.З. Манфред, талантливо интерпретировавший идею наличия общности интересов сторон при отсутствии территориальных споров между ними¹⁰. Однако среди советских исследователей, несмотря на авторитет Манфреда, это положение не получило поддержки¹¹.

Сегодня назрела необходимость пристальнее взглянуть на проблему возможности стратегического и геополитического союза России и Франции. Если даже считать за аксиому геополитический фактор, как данный нам раз и навсегда критерий, возникают вопросы: Почему русские войска сражались с французскими в 1799, 1805–1807, 1812–1815 гг.? Почему тогда этот фактор «не работал»? Может быть, из-за невежества пра-

вящих кругов? По каким причинам робкие ростки союза двух стран быстро гибли, не выдерживая испытания временем?

Начну с того, что Франция и Россия были тогда крупными централизованными государствами, но с разными экономическими, социальными, идеологическими и религиозными устоями. Самое главное, Россия была тогда феодальным государством! Основу ее экономики составляло крепостное сельское хозяйство. Товарооборот во внешней торговле в основном ориентировался на Англию. Экономический фактор был, бесспорно, важен, но еще важнее оказались социальный и идеологический факторы. Главной социальной базой самодержавного строя являлось дворянство, оно же тогда было единственной общественной силой, сословием, имеющим в империи политическое значение. Без опоры на господствующий класс монарх был не в состоянии править страной. Дворянство быстро лишало его этой возможности, если политический вектор изменялся не в его пользу. Как свидетельствует опыт XVIII столетия, в этом случае долго на троне не засаживались, дворяне, носившие военную форму, радикально корректировали политику в нужном для них и их сословия направлении.

Что же могла предложить буржуазная Франция на рубеже веков феодальной России и в первую очередь российскому дворянству, благополучие которого напрямую зависело от крепостной деревни и внешней торговли? Идеи о свободе, равенстве и братстве, отрицание религии, лозунг «Смерть королям!» и французскую гегемонию в Европе?! И что же, после этого дворянство, поставившее Российской империи управленческие кадры, должно было убедить свое правительство, что Франция – это единственный и естественный союзник России? Возможно, дворяне-«Митрофанушки» еще встречались на русских просторах, раз о них писал Д.И. Фонвизин во второй половине XVIII в., но их было не так много, да и не могло все сословие поглупеть настолько, что у него совсем атрофировалось социальное чутье.

Напротив, дворянство тогда отлично осознавало, что революционная «зараза» представляет вполне реальную угрозу устоям государства и их положению. Ведь еще не прошло и 30 лет со времени Пугачевского бунта, а испытанный тогда ужас сохранялся в воспоминаниях нескольких поколений. Дошедшая до нас переписка представителей дворянства в 1812 г. наполнена свидетельствами откровенного страха перед Наполеоном, который мог пообещать вольность крепостным. Призрак второй пугачевщины неотступно присутствовал в умах дворян в многомиллионной крестьянской стране. Благородному сословию тогда было что терять. Поэтому крепостническая Россия очень четко определяла Францию, пусть сохранявшую к тому времени лишь тень революционных традиций, как своего главного идеологического противника.

Идеи революции всегда опаснее ее штывков. Кроме того, дворяне, владельцы крепостных крестьян, продолжали пребывать в убеждении, что наследник революции «безродный» Бонапарт мало чем отличался от французских безбожников-санкюлотов. Для них он оставался «новым Пугачевым»¹². Дворянство было неоднородным, различалось по знатности, богатству, общественному положению, внутри него имелись и общественные группировки, или, как их называли, партии, защищавшие разные модели развития страны: «английская», «русская», с некоторыми оговорками «немецкая». А вот представителей «французской» партии, за редким исключением, найти было нельзя. В переписке 1812 г. фигурировали «иллюминаты» и «мартинисты» (чаще всего под них подходили масоны) как некие фантомы и агенты Наполеона. Но этот термин больше использовался для бездоказательных обвинений в профранцузской ориентации в адрес некоторых высокопоставленных лиц в окружении Александра I.

В целом же правительственная политика по отношению к Франции, в частности война против Наполеона в 1805 г., пользовалась поддержкой и не вызывала общественного недовольства¹³. Соколов достаточно прямолинейно удивляется и сетует на неудачный выбор и деятельность русских дипломатов при Бонапарте в 1801–1805 гг. В частности, цитирует выдержку из письма посла С.А. Кольчева царю: «Я никогда не свыкнул с людьми, которые правят здесь, и никогда не буду им доверять»¹⁴. Однако что же тут парадоксального? Это было господствующее умонастроение всего сосло-

вия. Не стоит удивляться и холодному приему, которое оказывало русское общество всем посланникам Наполеона в России с 1801 г. Не смог избежать прохладного отношения к своей особе в бытность послом даже представитель французской аристократии граф О. Коленкур – для русских дворян он оставался изменником своего короля и слугой «узурпатора».

Что же касается антифранцузской политики Александра I, то Соколов задается вопросом: «Откуда эта странная, непонятная ненависть? Во всяком случае, она никак не могла появиться ни как следствие жизненно важных интересов России, ни как результат враждебных действий со стороны французской республики»¹⁵. Сентенция истинно удивительная. Именно такая политика имела подпитку со стороны дворянства, поскольку этот внешнеполитический курс выражал интересы всего сословия. Российский император должен был, по мнению некоторых сторонников геополитической теории, вступить в союз с Наполеоном ради национальных интересов своей империи. Для доказательства приводят пример первой крупной попытки франко-русского сближения в самом конце правления Павла I. Однако именно этот пример и опровергает выдвинутый тезис. Как только Павел I «полнобил горяча» французов, попытался пойти на заключение союза с Наполеоном¹⁶ и реализовать проект совместного похода в Индию, так его ожидал печальный конец в Михайловском замке в марте 1801 г.

Уж кто-кто, а сын Павла I понимал расклад сил и очень хорошо знал, какое сословие надо особо выделять на фоне российского социального пейзажа, на кого необходимо ориентироваться в своей политике. Интересы власти и государства тогда полностью определялись интересами дворянства, которое уже четко определилось, что с Францией Бонапарта ему не по пути. В то время это была в России единственная социальная и общественная сила, способная определить и сформулировать свои политические интересы, т.е. говорить от имени страны. Остальные сословия оставались безмолвными. Поэтому можно с уверенностью сказать, что политика Александра I имела вполне внятную мотивировку, а не диктовалась его эгоистической «личной неприязнью» (таковая у него была не только к Наполеону, но и ко многим другим коронованным особам). Любая государственная политика всегда направлена на соблюдение определенных интересов. В данном случае российский император отчетливо определял цель своей деятельности и выдерживал курс, исходя из идеологических, социальных и экономических приоритетов дворянства.

Этого требовал от Александра I и анализ расклада сил в Европе, даже с точки зрения основ геополитики. Географический компонент действительно дает основания предполагать, что Франция и Россия при определенных условиях могли быть естественными союзниками. Они не имели до 1807 г. общих границ и никаких точек соприкосновения, но между ними располагались, помимо Пруссии, земли многочисленных немецких государств (огромная территория, где как раз прямо сталкивались тогда французские и российские интересы). В конце XIX в. после образования мощной Германской империи геополитический фактор сработал очень четко. Франция и Россия, несмотря на различия в государственном и политическом устройстве, вступили в союз против Германии. Александр III, наверное, самый твердый самодержец из династии Романовых, вынужден был на официальных встречах с французским президентом стоять слушать французский гимн «Марсельезу». Можно только догадываться, что творилось в тот момент в душе этого убежденного противника революций, но все его идеологические предубеждения перевешивала государственная необходимость.

В начале XIX в. германской угрозы в Европе еще не существовало, следовательно, не имелось и прямой необходимости в союзе между Францией и Россией. Британские же острова находились в стороне от континента, и у России не было даже малейшей необходимости «дружить» с Францией против Англии. Наоборот, все 5 великих европейских держав боролись тогда за влияние в немецких землях. И самой реальной в то время была угроза французской гегемонии в Германии, а это центр континента, поэтому речь шла о будущем всей Европы¹⁷. Если проанализировать состав всех коалиций, то можно без труда заметить, что, помимо бессменного «банкира» союзников – Англии, – их

участниками (правда, с периодическим выбыванием) являлись Австрия, Пруссия и Россия, по выражению Э.Э. Крейса, «альянс фланговых государств против центра»¹⁸. Главная проблема заключалась в обилии мелких немецких государственных образований, которые потенциально легко могли стать жертвой сильного соседа, т.е. Франции. Эта возрастающая угроза, не без основания, персонафицировалась с именем Наполеона. Вот как характеризовал ситуацию П.А. Вяземский: «Гнетущее давление наполеоновского режима чувствовалось во всех уголках Европы. Кто не жил в эту эпоху, тот знать не может, догадаться не может, как душно было жить в это время. Судьба каждого государства, почти каждого лица, более или менее, так или иначе, не сегодня, так завтра зависела от прихотей тюльрийского кабинета или боевых распоряжений наполеоновской Главной квартиры. Все жили как под страхом землетрясения или извержения огневдышащей горы. Никто не мог ни действовать, ни дышать свободно»¹⁹. Поэтому и возникли коалиции. «Пинками» туда никого «не загоняли», это был осознанный выбор государств, видевших реальную опасность для своих интересов со стороны Франции. Подобными методами создать военно-политический союз было невозможно. Разыгравший аппетит гениального полководца заставлял государство «запуганной» Европы искать пути к объединению сил против Наполеона, как «врага всемирного спокойствия». Очень метко написал об этом В.В. Дегоев: «Словно играя с судьбой и испытывая пределы своего могущества, Наполеон не разрушал, а собирал антифранцузскую коалицию»²⁰.

В период с 1801 по 1805 гг. геополитический фактор не мог сыграть на руку франко-русскому сближению. Помимо идеологических и социальных моментов, в немалой степени этому препятствовала и вызывающая политика новоиспеченного французского императора. Как раз с точки зрения основ геополитики англо-русский союз имел тогда гораздо больше шансов на существование и был закономерен, так как оба государства имели сходные интересы, им оставалось только договориться между собой. Другое дело, что Александр I не был безгрешным государственным деятелем, можно и нужно говорить о его ошибках. Благо, что тогда положение страны допускало определенный лимит промахов своего молодого императора. Вообще в политике обойтись без ошибок невозможно, но за них дорого платили подданные.

Александр I с юности мечтал о военных подвигах. В 1805 г. он стал первым после Петра I русским монархом, присутствовавшим на театре военных действий. Отправляясь на войну, он надеялся погреться в лучах военной славы, но стал свидетелем катастрофы русских при Аустерлице. В истории русской армии эту битву можно назвать «второй Нарвой». Без этого унизительного проигрыша не было бы и будущих побед. Испив горечь неудач, Александр I сделал вывод, что первым полководцем в Европе всегда будет его противник. Поэтому он выбрал для себя область высокой политики. Как дипломат российский император показал себя мастером политического расчета, в чем ему отдавали должное многие современные. «Это истинный византиец, – высказывался о нем Наполеон, – тонкий, притворный, хитрый»²¹.

После кампаний 1806–1807 гг., закончившихся поражением русской армии под Фридландом, наполеоновские полки остановились на реке Неман. Военные неудачи, непомерные финансовые расходы, сложная политическая ситуация (Россия одновременно вела еще войны с Турцией и Персией), союзнический «эгоизм» англичан и усиление русско-британских разногласий заставили Александра I вступить с Наполеоном в переговоры. 9 июня 1807 г. в Тильзите между сторонами было подписано перемирие, после чего последовал kaleidoscope событий. Стало ясно, что французский император готов заключить с Россией мир на почетных условиях. 13 и 14 июня состоялись личные встречи Александра I и Наполеона. При отступлении казаки сожгли все мосты через Неман, поэтому первое свидание императоров было организовано на плоту, где в просторном павильоне они беседовали с глазу на глаз. Они часто встречались и позже. Содержание их личных бесед осталось неизвестным. Историки назвали их «тайнами Тильзита». Параллельно с 15 июня происходили встречи дипломатических делегаций. С российской стороны уполномоченными по ведению переговоров были назначены

дипломат А.Б. Куракин и генерал Д. И. Лобанов-Ростовский. Александр I с трудом напел в своем окружении людей для резкой перемены курса (представителей партии «мира»), почему и предпочел договариваться с Наполеоном лично.

Тильзитские переговоры закончились в беспримерно короткий срок. Уже 25 июня были подписаны основные документы. В очень трудных условиях, после военных неудач российский император в переговорах смог найти и верный тон, и нужные аргументы, проявить гибкость, чтобы, сохраняя положение равноправного партнера, прийти к удовлетворяющему обе стороны компромиссу. Россия не понесла территориальных потерь, даже прирстила свои владения за счет Белостокской области. Договоренности зафиксировали раздел сфер влияния. Франция узаконила полное господство в Европе. Россия взамен получала свободу действий на северо-западных границах и на Дунае. Хотя Пруссия – союзница России – сохранила государственную независимость, ее территория оказалась урезанной, она потеряла ранг великой державы и уже не могла служить противовесом Франции. Было создано герцогство Варшавское, фактически оказавшееся под протекторатом Наполеона. В будущем оно стало плацдармом для нападения на Россию. Самым же тяжелым для России был пункт об ее участии в континентальной блокаде Англии, что ударило по экономическим интересам государства. Тем не менее большинство авторов оценивало Тильзит как успешный компромисс лично Александра I. Россия получила важную для нее передышку почти на 5 лет перед решающим военным столкновением с наполеоновской Францией.

При анализе Тильзитских договоренностей возникает ряд вопросов. Например, почему Россия пошла на заключение союза? В тех условиях Александр I мог ограничиться и мирным договором. Для Наполеона это была программа-минимум, в 1807 г. французские войска были истощены не меньше, чем русские. Но Россия в 1807 г. воевала в союзе с Пруссией, а вся прусская территория оказалась захваченной французами. Собственно главный дипломатический торг тогда и велся вокруг этого фактически не существовавшего королевства. Александр I смог настоять на том, чтобы Пруссия хоть и в урезанном виде сохранилась на географической карте. Наполеон явно не хотел делать такой уступки и пошел на этот шаг только потому, что Россия заключала с Францией союз. Таким образом, цена Тильзита – сохранение Пруссии как государства. Александр I, заботясь о Пруссии (его называли «ангелом-хранителем прусского короля»), защищал также будущие интересы своего государства, прогнозируя, что рано или поздно именно пруссаки станут союзниками России в борьбе с Наполеоном.

Обычно Тильзитские договоренности сторонники франко-русского геополитического союза считают главным примером его объективной неизбежности. Но, как ни парадоксально, союз 1807 г. был заключен вопреки аксиомам геополитики и вызван был совсем иными причинами. Начну с того, что после создания герцогства Варшавского Наполеон получил прямой выход к русским границам, а такое соприкосновение таило потенциальную угрозу и увеличивало вероятность прямого военного столкновения. В германском регионе, в геополитическом плане самом интересном для России, она фактически потеряла свои позиции. Наполеон в Германии безнаказанно мог делать все, что хотел. Сохранить хотя бы остатки бывшего русского влияния возможно было только в рамках военно-политического союза с Наполеоном. Прагматизм русской политики по отношению к Германии в данном случае очевиден²². Но, с точки зрения основ геополитики, это также не сулило ничего хорошего франко-русскому союзу, а только создавало почву для разрыва союзных отношений в будущем. Другой вопрос: насколько заключенный союз отвечал и соответствовал современным интересам каждого государства? В дипломатии, политике и экономике собственно этот критерий и определяет прочность любых соглашений. Всякий договор действует до тех пор, пока устраивает партнеров, если же выгода односторонняя, или одна сторона вынуждена была заключить соглашение под давлением обстоятельств, то всегда существует угроза досрочного расторжения договоренностей.

Был ли выгоден союз в Тильзите Франции? Бесспорно, да. Наполеон был крайне заинтересован в нем, так как он давал ему возможность решать основную внешнепо-

литическую задачу – эффективно бороться с Великобританией, имея защищенные тылы. Но отвечал ли этот союз российским интересам? Неужели Англия для России, как и для Франции, была главным врагом? Даже учитывая все англо-российские противоречия и британские «грехи» перед Россией, думаю, тем не менее, что ответ отрицательный. Можно рассмотреть и гипотетический результат франко-российского союза (если бы он был не вынужденным, как в Тильзите, а настоящим): в борьбе с туманным Альбионом Наполеон при помощи (или нейтралитете) русских поставил бы Британию на колени. Что получила бы Россия в итоге? Она оказалась бы без союзников, один на один с могущественной империей, политически и экономически безраздельно доминирующей в Европе. Нетрудно предугадать, куда после Англии была бы направлена победная поступь наполеоновских орлов – против единственной оставшейся крупной державы в Европе, т.е. России. Такова объективность стратегических последствий подобного решения. Вряд ли Александр I не просчитал ситуацию.

Особый вопрос – присоединение России к континентальной блокаде Англии (реализация наполеоновской концепции борьбы «суши» против «моря» средствами экономического удушения) и война с ней. По моему мнению, эта война была объявлена Россией лишь на бумаге. Во всяком случае, кроме как «странной» или «бездымной» ее назвать нельзя²³. Она оказалась почти бескровной. Обе страны стремились без лишней необходимости не обострять конфликт и не провоцировать эскалацию лишь номинально объявленной войны. Пример этого – действия русской эскадры адмирала Д.Н. Сенявина в Лиссабоне в 1807 г. После того, как эскадра была блокирована британским флотом, русский адмирал предпочел договориться с противником, и его корабли были отданы «единственно в залог вскоре восстанавливаемых старинных и дружественных России с Англиею сношений» с условием возвращения экипажей на родину²⁴. Введение континентальной блокады в России также осуществлялось без особого рвения и с нарушениями. Вредить себе и собственной экономике Россия не желала, и постепенно происходил отход от исполнения условий Тильзита под маркой торговли с судами «нейтральных стран»²⁵. Но, безусловно, российская экономика терпела ущерб²⁶.

Смею предположить, что Александр I в 1807–1812 гг. полагал, что реально врагом № 1 для его государства была не Англия, а Франция. При отсутствии общих интересов у России и Франции в тот период были обозначены слишком противоположные приоритетные задачи. Российский монарх резонно считал, что будет успешнее противодействовать гегемонистским планам Наполеона, находясь в союзе с ним, нежели в прямой конфронтации. Англичане же все это время оставались потенциальными союзниками русских.

Охлаждение союзной «дружбы» началось почти сразу после того, как два императора разъехались в разные стороны из Тильзита. Правда Александр I долгое время старался формально не нарушать договоренностей. Он также был уверен в том, что союзник рано или поздно допустит стратегический просчет. Долго ждать не пришлось. В 1808 г. Наполеон ввязался в испанскую авантюру и завяз в клубке им же созданных проблем на Пиренейском полуострове. Уже встреча двух союзников в Эрфурте показала, что дух Тильзита начал испаряться. Стараясь застраховать свои тылы, Наполеон просил Александра I помочь ему в случае вероятной войны с Австрией. Российский император стал проявлять несговорчивость, затем, хотя и дал согласие на совместные действия против австрийцев, но только в случае их нападения на Францию. Когда же в 1809 г. именно по такому сценарию началась война, русский корпус генерала С.Ф. Голицына сначала долго сосредоточивался, затем так медленно продвигался в Восточной Галиции, стараясь не ввязываться в бои с австрийцами, что у французов возникли обоснованные подозрения в саботаже военных действий.

В 1899 г. Н.К. Шильдер опубликовал 2 чрезвычайно важных письма. Накануне Эрфурта императрица Мария Федоровна решила призвать своего сына под любым предлогом отказаться от свидания с Наполеоном. Она написала ему письмо, в котором изложила свой взгляд на ситуацию с элементами критики не только Наполеона, но и русского курса²⁷. Перед отъездом в Эрфурт Александр решил письменно объяснить с

матерью. Его ответ проливает свет на многие вопросы, а также разъясняет личное понимание событий императором. В первую очередь Александр I высказался об интересах России (которые «были, – писал он, – и постоянно останутся для меня более дорогими, чем все остальное в мире»), а затем дал анализ расклада сил в Европе. Приведу несколько цитат из его письма: «После несчастной борьбы, которую мы вели против Франции, последняя осталась наиболее сильной из трех еще существующих континентальных держав, и по своему положению, по своим средствам, она может одержать верх не только над каждой из них в отдельности, но даже над обоими взятыми вместе. Не является ли в интересах России быть в хороших отношениях с этим страшным колоссом, с этим врагом, поистине опасным, которого Россия может встретить на своем пути?» Русский монарх не заблуждался насчет своего союзника, считая его главным противником. Далее следовал разбор текущей политики России: «Для того, чтобы было возможно надеяться с достаточным полным основанием, что Франция не будет пытаться вредить России, нужно, чтобы она была заинтересована в этом; одна лишь польза является обычным руководящим началом в политической деятельности государств. Нужно, чтобы Франция могла думать, что ее политические интересы могут сочетаться с политическими интересами России; с того момента, как у нее не будет этого убеждения, она будет видеть в России лишь врага, пытаться уничтожить которого будет входить в ее интересы». Поэтому, «чтобы сохранить свое единение с Францией», Александр I проявил «готовность примкнуть на некоторое время к ее интересам»²⁸. Все письмо говорит о том, что Тильзит рассматривался им как передышка для того, чтобы «иметь возможность некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства и силы. Но мы должны работать над этим среди глубочайшей тишины, а не разглашая на площадях о наших вооружениях, наших приготовлениях и не гремя публично против того, к кому мы питаем недоверие»²⁹. В этих словах – внутренняя установка Александра I для самого себя. Именно поэтому он считал, что необходимо ехать в Эрфурт, поскольку того желает Наполеон, и не отказываться от участия в делах, «имеющих столь существенное значение для интересов России». Он не торопился с прогнозом и четко определил французскую кампанию в Испании как своего рода лакмусовую бумажку, которая должна в ближайшее время прояснить будущее: «Одно лишь Божественное Провидение решит, каков должен быть исход испанских дел, и этот-то исход предрешит образ действий, которого государствам придется держаться впоследствии»³⁰.

Необходимо учитывать, что Тильзитский договор был встречен в России неодобрительно и породил скрытую оппозиционность не только в обществе, но даже в среде высшей бюрократии. Ч. Исдейл отмечает, что Александр I «бросил, в сущности, вызов всему дворянству, чья ненависть к Наполеону могла тягаться только со страхом потерять огромные прибыли, выпадавшие на его долю от продажи в Британию зерна, леса, льна и пеньки, и, таким образом, рисковал повторить судьбу своего отца, убитого в результате дворцового заговора»³¹. Однако на сегодняшний день у историков нет достоверных данных в пользу того, что в недрах дворянства зрели замыслы по свержению Александра I. На основании же косвенных источников делать такой вывод крайне преждевременно. Тем не менее многие сановники, находившиеся на государственной службе, неофициально позволяли себе критические высказывания как по поводу Тильзита, так и в адрес Наполеона. Нельзя не отметить и резкий рост в Европе национализма. Это была ответная реакция на французское господство. Россию данный процесс также не обошел стороной. Идеологами русского патриотизма (или консервативного традиционализма) с ярко выраженной антифранцузской направленностью стали интеллектуалы-консерваторы. Именно в это время началась борьба с галломанией, что выразилось, в частности, в появлении подчеркнуто русских литературных кружков и периодических журналов. В обществе стало входить в моду отрицание всего иностранного, в первую очередь французского.

На тильзитский период пришлось проведение некоторых реформ. Если военные преобразования, выдержанные в профранцузском духе (в русской истории можно най-

ти много примеров, когда власти очень многое успешно заимствовали у своих противников), не подвергались критике, то реформирование государственного аппарата и новые правила для чиновников были встречены дворянством с осуждением. Все нововведения связывались с личностью «безродного» М.М. Сперанского. Его деятельность нашла массу противников, которые усматривали в ней угрозу революции. Самым известным критиком стал Н.М. Карамзин, выступивший с «Запиской о древней и новой России», в которой обосновывал угрозу незыблемости самодержавия в реализации идеи представительной монархии. Он выражал мнение консервативной оппозиции и призывал отказаться от нововведений. В результате дворцовых интриг весной 1812 г., когда стало ясно, что война с Францией уже неизбежна, Александр I сделал свой выбор в пользу дворянской оппозиции. Сперанский был отправлен в ссылку. Ясно, что перед войной решили пожертвовать непопулярной фигурой и сделать ставку на патриархально-консервативные силы. Решение об изменении внешнеполитического курса сопровождалось важными кадровыми перестановками. На ключевые должности «по обстоятельствам момента» были выдвинуты два полуопальных вельможи А.С. Шишков и Ф.В. Ростопчин (император к ним не просто был не расположен, а с трудом выносил). Имена обоих сановников четко олицетворялись в обществе с национально-патриотическими тенденциями. Фактически сменивший Сперанского на посту государственного секретаря адмирал Шишков воспринимался как страж чистоты русского языка, поборник старины и ревностный патриот³², а возглавивший «первопрестольную» Москву Ростопчин получил в свое время громкую известность как застрельщик публицистических памфлетов антифранцузского содержания³³. Эти назначения являлись не просто уступкой консерватизму, а свидетельствовали о том, что власть перед грядущим военным столкновением пыталась найти новую опору в дворянском обществе.

О будущей войне Наполеона против России многие политики заговорили сразу после женитьбы Наполеона на австрийке Марии-Луизе и переориентации внешнеполитического курса Франции с России на Австрию³⁴. Обе державы, предвидя неизбежность столкновения, с 1810 г. почти одновременно взяли курс на подготовку к войне. С этого момента стала рушиться политическая архитектура Тильзита. Этому способствовали многие факторы. Как снежный ком стали расти взаимные претензии, один контрвыпад следовал за другим, усиливая атмосферу недоверия и приближая события к военной развязке, хотя императоры продолжали обмениваться любезностями и заверениями в верности духу Тильзита.

16 марта 1810 г. министр иностранных дел Ж.Б. Шампань подготовил Наполеону секретную аналитическую записку о положении дел в Европе, в которой предлагалось уже «смотреть на Россию как на естественную союзницу Англии и приготовиться бороться на континенте с последствиями сближения между этими двумя державами»³⁵. Почти одновременно, 2 марта 1810 г., в российской столице на стол императора Александра легла записка военного министра М.Б. Барклая де Толли «О защите западных пределов России», в которой анализировались возможные варианты действий против армии Наполеона³⁶. Этот документ фактически стал планом подготовки к войне с наполеоновской Францией.

Важно понять, чем руководствовались в этот период и из каких посылок исходили оба императора. Для Наполеона важнейшим фактором внешнеполитической конструкции являлась экономическая блокада Англии. Государства, которые тайно или явно поддерживали торговые связи с туманным Альбионом, автоматически становились его врагами. Выход России из этой системы означал не просто нарушение взятых ею обязательств, но и грозил важными последствиями. Логика существования блокады не могла допустить ни одного исключения, поскольку тогда пропал смысл ее проведения. Вернуть же Россию на рельсы антибританской политики можно было только военным путем. Это была основная стратегическая цель кампании 1812 г. Сегодня трудно однозначно говорить о конечных замыслах Наполеона. Возможно, он надеялся, что после поражения русских войск он навяжет России совместную экспедицию в Индию, дабы одним ударом покончить с торговым величием Англии³⁷. Возможно, он так-

же намеревался отрезать от России западные области и попытаться воссоздать Польское государство. Не случайно в первом воззвании к своим войскам французский император оперировал термином «Вторая польская война» по аналогии с кампаниями 1806–1807 гг. Хотя в польском вопросе он должен был действовать с оглядкой и учитывать негативную позицию своих союзников – Австрии и Пруссии. Вариантов возникало много, но окончательный стратегический выбор он мог сделать в зависимости от тактических успехов.

Бесспорно, что Александра I всегда тяготили «тильзитские оковы». Чем дальше, тем труднее ему было придерживаться союзнических договоренностей, так как имелось слишком много точек, где пересекались тогда интересы России и Франции: Балканы, Польша, германские государства. В этот период перед русской дипломатией стояли очень сложные задачи. Ведь в континентальной Европе тогда оставалось лишь несколько государств, не находившихся под французским контролем: Швеция, Дания, Пруссия, Австрия, Турция. Но Россия не могла реально рассчитывать на их помощь, каждая из этих стран исходила и думала лишь о своих интересах. Хотя Пруссия и Австрия делали предложения о совместном выступлении против Франции, они предпочли присоединиться к Наполеону. Успехом русской дипломатии стали договоренности о нейтралитете Турции и союз с Швецией, хотя последние в 1812 г. так и не приняла участия в боевых действиях.

В историографии, в частности, существует мнение, что начало кампании 1812 г. носило со стороны Наполеона превентивный характер. Мол, французский император очень не хотел этой войны, но вынужден был первым перейти границу в силу русской угрозы³⁸. Попробую разобрать этот момент подробнее. Необходимо заметить, что разведки обеих сторон очень внимательно следили за передвижениями войск будущего противника. Наполеон и русское командование в общих чертах представляли себе ситуацию на тот или иной момент³⁹. Русские армии к началу войны на западной границе имели в своих рядах 200–220 тыс. человек. У Наполеона только в первом эшелоне было сосредоточено 450 тыс., а во втором – более 150 тыс. бойцов. Какой военный специалист поверит, что такая мощнейшая (беспрецедентная по тем временам) группировка была собрана французским полководцем для обороны? Ведь ее создание требовало времени, колоссальных организационных и финансовых издержек, она явно предназначалась для ведения наступательных действий.

Наполеон первоначально исходил из того, что русские первыми нанесут удар. Такой сценарий военных действий был для него предпочтителен, поскольку тогда появились бы шансы, используя численное преимущество, победоносно и быстро решить исход войны, даже, может быть, не вторгаясь в Россию. Да и с политической точки зрения Наполеон в глазах Европы выглядел бы в выигрышном свете – жертва русского нападения, вынужден был защищать Европу от нашествия русских варваров.

Но русские не дали поймать себя в ловушку. Причем, действительно, существовал разработанный в 1811 г. план, по которому Россия и Пруссия при поддержке поляков должны были первыми начать военные действия. Однако сначала не смогли склонить на свою сторону поляков, а затем стало известно, что и пруссаки выступают совместно с Наполеоном. Тем не менее до весны 1812 г. русское командование не исключало вариант перехода границы первыми, а для реализации этого плана проводились соответствующие мероприятия⁴⁰. Военный министр Барклай де Толли уже 1 апреля 1812 г. из Вильны докладывал о полной готовности к форсированию реки Неман. Войска, полагал он, могут «тотчас двинуться»⁴¹. В ответ 7 апреля 1812 г. Александр I написал Барклаю: «Важные обстоятельства требуют зрелого рассмотрения того, что мы должны предпринять. Посылаю вам союзный договор Австрии с Наполеоном. Если наши войска сделают шаг за границу, то война неизбежна, и по этому договору австрийцы окажутся позади левого крыла наших войск... При приезде моем в Вильну окончательно определим дальнейшие действия»⁴². Обстоятельства отказа от наступательных действий были не технические, а политические. На решение повлияли и данные разведки о более чем двукратном превосходстве сил противника. Александр I отлично понимал,

что Наполеон, собрав огромную по численности армию, рано или поздно вынужден будет пересечь границу. Это был вопрос времени и нервов двух императоров. Российский монарх осознанно предпочел пожертвовать возможными преимуществами в угоду политическим факторам. Он выиграл и стратегически – заставил «неприятеля» действовать по русскому сценарию, приняв четкое решение отступать в глубь России.

Так была ли для Наполеона война превентивной? Учитывая численное соотношение сил, вряд ли русские войска в июне 1812 г. представляли угрозу Европе. Потом, никто силой не заставлял французского императора отдавать приказ о переходе границы. Логика принятия решения в данном случае оказалась проста – все дружны колоссально маховика Великой армии были взведены. В такой ситуации невозможно запрограммированную на войну «машину» не запустить в действие и дать команду «отбой». Да и как по-иному можно оправдать грандиозные предвоенные усилия по организации и концентрации огромных людских и материальных средств? Даже просто финансовые затраты? Войну Наполеону необходимо было начинать в любом случае. И он ее начал первым. В данном случае стоит акцентировать внимание на твердой позиции Александра I (отраженной в переписке и во многих воспоминаниях современников), что он не прекратит военные действия, даже если русским войскам придется отступать до Волги или Камчатки. Тут в противовес можно вспомнить и фразу, оброненную Наполеоном, когда он уже покинул территорию России в 1812 г. Ее в разных вариациях записали несколько приближенных, смысл сказанного заключался в словах: «От великого до смешного только один шаг»⁴³.

Перед 1812 г. российский император победил в «битве мозгов» и благодаря блестяще действовавшей разведке смог разработать 3-летний стратегический план войны с Наполеоном. Первый период (1812 г.) – затягивание войны по времени и в глубь русской территории, затем (1813–1814 гг.) – перенос боевых действий в Европу⁴⁴. В основу русской концепции легли идеи, совершенно противоположные наполеоновским замыслам. Последующие события лишь доказали правоту этого предвидения.

Другой очень важный и не проясненный до конца вопрос: стоило ли русским войскам после победоносного окончания кампании 1812 г. идти в Европу? Не раз высказывалась мысль, что лучше было бы остановиться на границе, чаще всего со ссылкой на геополитические интересы России. Русские проливали кровь, а все дивиденды от победы в итоге достались Англии. И никто иной, как М.И. Кутузов являлся сторонником идеи остановки на границе⁴⁵. Обычно при этом ссылаются на косвенные свидетельства – разговоры Кутузова с Р.Т. Вильсоном и А.С. Шипковым. Лишь однажды историки при обсуждении личности М.И. Кутузова на круглом столе, устроенном журналом «Родина» в 1995 г., обменялись репликами по этому поводу⁴⁶. А этот вопрос приобрел принципиальное значение, поскольку появились любители рассматривать контрфактические ситуации в истории. Ведь очень соблазнительно переиграть события в сторону альтернативы, которая устраивала бы самого исследователя, а не современников. Но даже если Кутузов в частных разговорах и позволял себе высказывания о том, что русскими руками не нужно «таскать капшаны из огня» для британского льва, официально заявить подобное он не мог по слишком многим причинам. Окончательное решение принимал не он, а Александр I. Кутузов же был гибким сановником, всегда подстраивался и действовал в унисон с императором. Кроме того, существовала логика развития событий. Как Наполеон был не в силах остановиться на пути движения Великой армии к Москве в 1812 г. (а о пагубности этого его предупреждали многие соратники), так и русская армия, нанеся почти смертельный удар по противнику, не могла застыть на границе и отказаться «добивать корсиканца». С точки зрения современных поклонников наполеоновской Франции, безусловно, это был бы очень благоприятный вариант – Англия без русской помощи вряд ли бы поставила на колени Наполеона. Но такого решения не поняли и не приняли бы ни русская армия, ни дворянское общество. Как бы тогда дальше развивалась ситуация? Наполеону в таком случае предоставлялась возможность не просто перевести дух после нокаута, а полностью прийти в себя. Наивно даже предполагать, что он отказался бы от мысли о реванше. Спрогнозиро-

вать возможную будущую ситуацию было нетрудно и тогда, и сейчас. Французский император через год или два мобилизовал бы весь потенциал Европы и двинулся на Россию во второй поход.

Для Александра I все последующие ходы были определены еще до 1812 г., он являлся убежденным сторонником переноса военных действий в Европу. В 1813–1814 гг. российский император, став организатором и лидером антинаполеоновской коалиции, предпринимал усилия, чтобы не допустить развала альянса, разработал единую стратегию коалиции, не раз предлагал верные решения. 1814 год стал высшей точкой славы Александра I и он по праву заслужил, может быть, слегка напыщенные наименования «освободителя народов» и «Агамемнона царей Европы». Даже желчный А.П. Ермолов, на склоне лет характеризуя Александра I, отмечал «прозорливость покойного императора, которого продолжительная борьба с величайшим своего времени полководцем и низложение его поставили на такую высокую стелень славы, каковой судьба немногим достигнуть предоставляет»⁴⁷.

Для того, чтобы представить все точки зрения, существующие по этому поводу в современной историографии, необходимо отметить особую позицию Д. Ливена. Он положительно оценивал все действия Александра I как политика («В целом русская внешняя политика в 1812–1815 гг. достойна всяческих похвал»), но назвал решение русских преследовать Наполеона за Рейном спорным, поскольку «избавившись от врага на западе Европы, Великобритания на весь XIX век развязала себе руки для борьбы с российской экспансией на Балканах и в Азии». По его мнению, тогда «России несомненно было бы удобнее использовать наполеоновскую Францию в качестве противовеса Великобритании»⁴⁸. Хотя Ливен не сделал акцента на этих тезисах (по его словам, «все это – частности»), можно оспорить его мнение, тем более что сам автор привел и аргументы против выдвинутого им же положения. Думаю, что дело уже не могло ограничиваться русскими или английскими интересами, поскольку к концу 1813 г. все последующие ходы были прописаны самой атмосферой политической ситуации. Европейские монархи (бывшие вынужденные союзники французского императора), оказавшись запряженными в одну антинаполеоновскую телегу и чувствуя вкус близкой победы, не хотели оставлять Наполеона во главе Франции. Они хорошо знали и страшились непредсказуемости гения Наполеона и его мести, останься он у власти. Слишком долго его фигура была той осью, вокруг которой вертелись судьбы Европы. Феодальные правители желали освободиться от железной руки Наполеона. Вопрос низвержения французского императора в 1814 г. стал основным общеевропейским делом. Российский император уже не мог, даже если бы он того пожелал, отказаться от участия в решении этого вопроса. В 1814 г., когда австрийцы или англичане начинали разговор о мире, у Александра I находились резонные доводы: «Это будет не мир, а перемирие, которое вам позволит разоружиться лишь на минуту. Я не могу каждый раз поспевать к вам на помощь за 400 лье. Не заключу мира, пока Наполеон будет оставаться на престоле»⁴⁹. Его позиция имела под собой обоснованную логику и исходила из общего понимания европейской ситуации с учетом русских интересов.

Для российского императора после ухода со сцены его главного антипода настало время бурной международной деятельности, когда его авторитет безмерно возрос и в «концерте» победителей ему по праву принадлежала первая скрипка. Будучи одним из главных творцов Венской системы, он лично разработал и предложил схему мирного существования, предусматривавшую сохранение сложившегося баланса сил, неизбежность форм правлений и границ. Она базировалась на широком круге идей, прежде всего на нравственных заветах христианства, что давало многим повод называть Александра I идеалистом-политиком. Принципы были изложены в Акте о Священном союзе 1815 г., составленном в стиле Евангелия. За расплывчатыми постулатами Акта, первоначальная редакция которого была написана рукой российского монарха, прочитывалась новая трактовка «европейской идеи» или «европейского равновесия»⁵⁰. В свое время Наполеон также пытался объединить народы. Но реализовать свой замысел он пытался путем насилия и введением на всей европейской территории Гражданского ко-

декса, что, по его мнению, позволило бы «образовать единственную и единую нацию»⁵¹. В противовес этому Александр I предложил добровольный союз монархов. Механизм функционирования Священного союза основывался на взаимных контактах, для чего созывались международные конгрессы, которые по существу являлись предтечами современного Европарламента.

Безусловно, в начале XIX в. идея европейской интеграции опережала время, поскольку не стимулировалась экономической заинтересованностью в таком объединении. Но даже первая, в целом не совсем удачная попытка привела к тому, что Европа в первой половине XIX в. не знала крупных войн. Конечно, сразу возникает вопрос о цене прогресса, на который до сих пор человечество не дало однозначного ответа: что лучше – стабильное мирное развитие или эпохи бурных перемен? Эволюция или потрясения?

Наполеон попытался навязать интеграцию силой и превратился в «поработителя» народов, что предопределило его падение. Исторический парадокс заключался в том, что Александр I, правивший страной, где господствовало униженное для человеческого достоинства крепостничество, возглавил борьбу против Наполеона и стал приветствоваться народами как «освободитель». Собственно одной из побудительных причин существования Священного союза являлась боязнь монархов новой революции и наличие самой фигуры Наполеона. Даже находясь на острове Святой Елены, он внушал страх. Как только бывший французский император умер, солидарность европейских властителей и деятельность Священного союза стали постепенно сходиться на нет. В данном случае уместно привести мнение современника, русского полковника И. Радожицкого, оценивавшего яростную антинаполеоновскую публицистику своего времени и сделавшего неожиданный вывод о Наполеоне: «Между тем полководцы, министры и законодатели перенимали у него систему войны, политики и даже форму правления. Он был враг всех наций Европы, стремясь поработить их своему самодержавию, но он был гений войны и политики; гению подражали, а врага ненавидели»⁵².

В данной статье стоит также разобрать нетрадиционное мнение специалиста по геополитике И.В. Зеленовой. Анализируя ситуацию с наполеоновскими войнами, она сделала неожиданный вывод, что в начале XIX в. «переориентация России с Франции на Англию при отсутствии у российской политической элиты четкого понимания собственных геополитических интересов была ошибкой»⁵³. Не совсем ясно, о какой «переориентации» идет речь и когда она произошла? Странно также читать об отсутствии понимания геополитических интересов у нашей элиты после авторского анализа концепции объединенной Европы Александра I, названной не просто геополитической, а геостратегической доктриной⁵⁴. Тезис же об отсутствии «четкого понимания» несколько повисает в воздухе, так как в пользу этого положения не приводится никаких аргументов. Автор только высказала свое мнение об Александре I: «Выдвинув один из первых в истории человечества геостратегических планов обустройства "большого экономического пространства", он совершенно не учитывал геополитические интересы своих партнеров, да и геополитические интересы и возможности России рассматривались им как нечто вторичное. Это свидетельствует о том, что у российской политической элиты не имелось в то время сколько-нибудь продуманной геополитической программы»⁵⁵.

В данных рассуждениях все поставлено с ног на голову. Во-первых, представители элиты, как и современники российского монарха, даже не задумывались об этом, так как не знали, что через столетие может появиться какая-то геополитика. Такого рода высказывания напоминают, например, кодульные обвинения советских историков в непонимании азов марксизма их предшественниками и тому подобную фразеологию. Во-вторых, ничего не говорится о разработанных геополитических программах партнеров России, ведь по логике вещей читатель может предположить, что в отличие от отсталой российской элиты передовые европейские политики уже тогда досрочно до понимания геополитических догм, поэтому учитывали геополитические интересы России. А ведь по сути, до 1853 г. европейское сообщество существовало и развивалось

(хотя и со многими оговорками) на основе идей, предложенных императором Александром I, являвшимся тогда лидером российской элиты и выразившим ее мнение. В-третьих, Александр I и не собирался обустривать европейское экономическое пространство, его план имел сугубо политическую направленность. Его концепция объединенной Европы, намного опередившая свое время, не выдержала испытания, так как политическая конструкция не оказалась подкреплена как раз экономическим фундаментом. Тогда не существовало экономической необходимости в объединении, оно строилось на общем страхе перед революциями и человеком, их олицетворявшим – Наполеоном.

Очень необычно Зеленова рассмотрела и проблему Тильзита. По ее мнению, франко-русское сближение «остро поставило вопрос об организации всего геополитического пространства на принципах биполярности, а от России требовало по крайней мере двух "революционных" поступков: отмены (или ограничения) крепостного права и введения конституции»⁵⁶. Можно подумать, что это было так просто – взять и принять конституцию. Даже непонятно, почему же весь XIX в. Россия обходилась без нее, а там, где конституции принимались (в Финляндии и в Царстве Польском), их почему-то сворачивали? А с крепостным правом, очень вразумительно, взять да отменить (или ограничить) ради биполярности геопространства. Почему же тогда такую очевидную возможность не осознали власти предрежания? А взамен этого в первую половину столетия существовали какие-то секретные комитеты по отмене главного российского зла?

Необходимо найти более научные подходы к этим вопросам и увидеть их с точки зрения историка, а не специалиста по геополитике, поскольку высказанные Зеленовой тезисы больше говорят лишь о желаемом. С таким же успехом можно столь же безосновательно рассуждать о желательности введения в России Магдебургского права еще при Иване Грозном или отмены крепостничества при Петре I. Было бы понятно, если бы автором обсуждался имеющий право на существование вопрос о том, что победа в 1812 г. отсрочила отмену крепостного права. Но сам факт успешного результата военного противостояния с Наполеоном свидетельствовал о том, что феодальные порядки в России далеко не исчерпали свои возможности, следовательно, реализовать даже в начальной стадии такие простые «поступки» было бы очень трудно. Государственной машине Российской империи понадобился отрезок в полвека для подготовительного периода, чтобы начать процесс отмены крепостного права в 1861 г. Да и тогда оказалось, что далеко не просто одним росчерком пера изменить веками сложившиеся сословные и поземельные отношения. Как раз российская правящая элита это хорошо понимала. А по поводу биполярности – какая биполярность тогда существовала в Европе? Где автор смогла ее отыскать? Необходимо заметить, что в тот период никакой политик был не в силах обнаружить два полюса, поскольку существовал только один центр (Париж), безраздельно контролировавший европейскую ситуацию и как единственное солнце озарявший весь континент, а Лондон и Петербург для европейцев превратились в периферийные звезды, где-то далеко и слабо мерцающие только по ночам. В начале XIX столетия европейское устройство при Наполеоне стало однополярным, а при дальнейшем развитии событий в этом направлении России реально грозило лишение статуса даже ночной звезды.

Подводя итоги, нельзя не заметить, что геополитическая терминология стала широко использоваться в исторической литературе. Но в то же время геополитические озарения последних лет относительно периода эпохи 1812 года (не берусь судить о всем историческом процессе) стали, в некоторой степени, бедой историографии, поскольку подобная аргументация зачастую применяется для обоснования ложных постулатов, которые вступают в противоречие с исторической действительностью. Под словесной завесой наукообразной фразеологии рассматриваются контрфактические ситуации и оправдываются любые исторические конструкции, претендующие на оригинальность, что отнюдь не проясняет, а лишь запутывает суть происходивших событий. Важно учитывать не только географический, но и в комплексе экономические, идеологические и социальные факторы, а не применять механически модные теории и обвинять кого-ли-

бо в их непонимании. Чем больше историки узнают о прошлом, тем больше убеждаются, как они еще мало знают, слишком многое со временем ускользает от их внимания. Поэтому нельзя только при помощи модной глобальной теории осмыслить историю, ибо сразу же возрастает вероятность появления и «глобальных» ошибок, и поверхностного понимания исторических процессов. С терминологией и геополитическими постулатами нужно обращаться осторожно.

Примечания

- ¹ Шенн И.А. Некоторые методологические аспекты историографии Отечественной войны 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. 3. Труды ГИМ. Вып. 142. М., 2004. С. 266–267.
- ² Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 16.
- ³ Середонин С. Новое об эпохе Отечественной войны // Научный исторический журнал. 1914. № 5. С. 53. Следует заметить, что Середонин в своем историографическом обзоре вышел за указанные рамки и фактически затронул проблематику с 1805 по 1825 гг.
- ⁴ Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004.
- ⁵ Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006.
- ⁶ Соколов О. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799–1805 гг. Т. 1–2. М., 2006.
- ⁷ Обзор дореволюционных работ см.: Яновский А.Д. Российская дореволюционная историография кампании 1805 года // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Мат-лы VIII Всероссийской научной конференции. Москва, 21–22 апреля 2005 г. М., 2005. С. 3–19.
- ⁸ Соколов О. Указ. соч. Т. 1. С. 78–79, 96, 127, 131.
- ⁹ Вандаль А. Наполеон и Александр I: Франко-русский союз во времена Первой империи. Т. 1–3. СПб., 1910–1913; Трачевский А. Франко-русский союз в эпоху Наполеона // Исторический вестник. 1891. Т. 44.
- ¹⁰ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1971.
- ¹¹ Абалякин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917–1987. М., 1990. С. 179; Шенн И.А. Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2002. С. 147–149.
- ¹² Не случайно Н.И. Казаков вслед за В.И. Семеновским отмечал, что «особенно „высоким“ пафосом невинности к Наполеону отличались в 1812 г. русские помещики» (Казаков Н.И. Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 4. С. 42).
- ¹³ Н.И. Казаков в своей работе привел интересную подборку мнений и отзывов (в основном, отрицательных) представителей русской общественности того времени о французском императоре и проводимой им политике (Казаков Н.И. Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 3–4).
- ¹⁴ Соколов О. Указ. соч. С. 75–76.
- ¹⁵ Там же. С. 77.
- ¹⁶ Х. Регсдейл сделал вывод, противоречивший традиционным версиям, что союз 1801 г. представлял собой «не более чем миф», что его фактически не существовало, «ли французцы, ли русские не питали в этом отношении никаких иллюзий. Союз не состоялся не вследствие убийства Павла. Дело было в непримиримых политических разногласиях». (Регсдейл Х. Просвещенный абсолютизм и внешняя политика России в 1762–1815 гг. // Отечественная история. 2001. № 3. С. 13–15, 23.) Автор, правда, оговорился, что этот вывод он сделал на основании изучения документов дипломатических ведомств Сардинии, Неаполя, Швеции, Дании, Пруссии, так как он в свое время не получил доступа к российским архивам.
- ¹⁷ Например, Д. Ливен полагал, что для контроля Европы «требовалось покорить ее каролингское ядро, иными словами, Францию, Италию, Германию и Нидерланды. В этом Наполеону преуспел. Но после этого будущий европейский император столкнулся с двумя грозными периферийными центрами силы в лице России и Великобритании. И та, и другая, естественно, рассматривали каролингское ядро Европы как угрозу для своей безопасности, и стремились победить его». (Ливен Д. Россия и наполеоновские войны: Первые мысли новичка // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. 4. М., 2007. С. 35).
- ¹⁸ Крейе Э.Э. Политика Меттерниха. Германия в противоборстве с Наполеоном 1799–1814. М., 2002. С. 86.
- ¹⁹ Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. Т. 7. СПб., 1882. С. 442–443.
- ²⁰ Дегоев В.В. Указ. соч. С. 136. Подобные мысли можно найти и в книге Ч. Исдейла. (Исдейл Ч.Д. Наполеоновские войны, Ростов на/Д., 1997. С. 50–51).
- ²¹ Цит. по: Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 1912. С. 305.
- ²² Д. Ливен полагает, что «Россия в 1807–1814 гг. была в значительной степени вынуждена выбирать между союзом с Великобританией и союзом с Францией. Реального нейтралитета России не допустили бы даже англичане, не говоря о Наполеоне». Он утверждает, что «Александр всегда полагал, что любой мир с Наполеоном окажется лишь перемирием». (Ливен Д. Указ. соч. С. 36, 56).
- ²³ «Бездымной» эту войну назвал Н.Ф. Дубровин. См.: Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. 1901. № 9. С. 449–450.
- ²⁴ Подробнее см.: Нечаев С.Ю. Почему вице-адмирал Сенявин отказался помогать генералу Жюно, и чем это для него закончилось // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. II. Труды ГИМ. Вып. 137. М., 2003. С. 7–41; Орлов А.А. Пребывание эскадры Д.Н.Сенявина в Англии в 1808–1809 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. 3. Труды ГИМ. Вып. 142. С. 7–26.

- ²⁵ Россия особенно заинтересована в нейтральной американской торговле, товарооборот с США увеличился в этот период в 10 раз, но заменить англичан американцы все равно не смогли (Сучугова Н. Дипломатическая миссия Джона Куинси Адамса в 1809–1814 годах. М., 2007. С. 49).
- ²⁶ Русско-английские отношения в этот период проанализированы в монографии А.А. Орлова (Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона: Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. С. 124–214).
- ²⁷ Русская старина. 1899. № 4. С. 4–17.
- ²⁸ Там же. С. 18–19.
- ²⁹ Там же. С. 20.
- ³⁰ Там же. С. 20–21.
- ³¹ Исдейл Ч.Д. Указ. соч. С. 60–61.
- ³² Первоначально на этот пост Александр I решил назначить Н.М. Карамзина, но А.Д. Балашов указал ему на А.С. Шишкова, как на человека, обратившего на себя внимание всего общества после речи «О любви к Отечеству», произнесенной в начале 1812 г. в «Беседе любителей русского слова». (Дубровин Н. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1902. № 11. С. 211).
- ³³ Ф.В. Ростопчин на эту должность был назначен при содействии великой княжны Екатерины Павловны как участник ее антифранцузского «тверского салона». (Кизиветтер А. Исторические отклики. М., 1915. С. 85–88; Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 12).
- ³⁴ Например, об этом оставили письменные свидетельства К. Меттерних и Ш.М. Талейран. (Шедивы Я. Меттерних против Наполеона. М., 1991. С. 135, 139.)
- ³⁵ Текст записки был опубликован на французском языке в кн.: Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1897. С. 471–483.
- ³⁶ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1900. С. 3–5.
- ³⁷ См.: Безотосный В.М. Индийские проекты Наполеона и его стратегический план в кампании 1812 года // Россия в XVIII–XIX веках. Страницы истории. С. 66–79.
- ³⁸ Графиня С. Шуазель-Гуфье процитировала слова Наполеона, сказанные им якобы в Вильно в начале кампании 1812 г.: «Я с сожалением начал эту войну, благодаря которой прольется много крови; император Александр, не соблюдавший условий Тильзитского трактата, принудил меня начать войну» (Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе графини Софии Шуазель-Гуфье, урожденной графини Фитценгауз, бывшей фрейлины при российском дворе. М., 2007. С. 65).
- ³⁹ О деятельности разведок подробнее см.: Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005.
- ⁴⁰ В окружении российского императора имелись лица, которые полагали, что концентрацию французских войск на русской границе в начале 1812 г. можно было расценивать даже не как разрыв отношений, а как объявление войны. Например, адмирал А.С. Шишков, подтверждая это суждение, считал, что движение войск Наполеона в феврале «показывало уже не приготовление или начало намерений, но начало самих действий» (Замечания А.С. Шишкова на проект манифеста о причинах и начале войны 1812 года // Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 2. Вильна, 1903. С. 38).
- ⁴¹ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Т. 11. СПб., 1909. С. 1–3.
- ⁴² Попов А.Н. Эпизоды из истории двенадцатого года // Русский архив. 1892. № 3. С. 343; Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. СПб., 1839. С. 88–89.
- ⁴³ Histoire de l'ambassade dans le grand duché de Varsovie en 1812, par M. De Pradt. Paris, 1817. P. 215; Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. С. 419.
- ⁴⁴ Э.Э. Крейе полагал, что планы российского императора в Европе в тот период «связывались в первую очередь с повстанческим движением. Даже если Александр I и не желал этого, он был вынужден унаследовать руководство национальным движением». Он рассматривал это движение «как инструмент своей политики, как грозное оружие, которого Франция должна быть лишена». Американский исследователь также подверг сомнению тезис, что Александр I якобы был подвержен влиянию своих иностранцев-советников, напротив, сделал вывод, что «политика царя выглядит как тщательно продуманный на длительную перспективу курс». (Крейе Э.Э. Указ. соч. С. 177–178).
- ⁴⁵ Этот вопрос попытался осветить Н.А. Троицкий, но он не подтвердил это мнение. (Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: Мифы и факты. М., 2002. С. 322–328).
- ⁴⁶ Спаситель Отечества. Кутузов – без хрестоматийного глянца // Родина. 1995. № 9. С. 66.
- ⁴⁷ Письмо А.П. Ермолова к Н.Г. Устрялову // Русская старина. 1872. Т. VI. С. 291.
- ⁴⁸ Ливен Д. Указ. соч. С. 55–56.
- ⁴⁹ Цит. по: Соловьев С. Император Александр Первый. Политика-дипломатия. СПб., 1877. С. 256.
- ⁵⁰ По мнению А.О. Чубарьяна, «в историческом плане это было первое общеевропейское объединение такого рода» (Чубарьян А.О. Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. М., 1987. С. 173).
- ⁵¹ Чубарьян считал, что «идеи равенства трансформировались в гегемонистские планы», а сам Наполеон силой оружия пытался «не только завоевать и покорить европейские страны и народы, но и „унифицировать“ их». (Чубарьян А.О. Указ. соч. С. 158).
- ⁵² Рядовицкий И. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 г. Т. 1. М., 1835. С. 14.
- ⁵³ Зеленева И.В. Геополитика и геостратегия России (XVIII – первая половина XIX века). СПб., 2005. С. 185.
- ⁵⁴ Там же. С. 176.
- ⁵⁵ Там же. С. 185.
- ⁵⁶ Там же. С. 181–182.